

ПИСЬМА ИЗ ОСАЖДЕННОГО ПАРИЖА (1870—1871 гг.)

Важным источником для изучения жизни осажденного Парижа в 1870—1871 гг., вплоть до провозглашения Коммуны, являются донесения иностранных дипломатов, письма иностранцев, находившихся в Париже. Еще в 1933 г. был издан сборник документов, извлеченных из дел посольства царской России во Франции¹. Эта публикация цыла, однако, неполной. В 1950 г. мы опубликовали, например, текст «Красной афиши»², приложенный к одному из обнаруженных нами писем секретаря посольства Обрескова³, с его пометкой, позволяющей уточнить дату обнаружения этого воззвания, сыгравшего значительную роль в предистории Парижской Коммуны.

В настоящей заметке мы хотим остановиться на содержании этих писем, хранящихся в архиве и пока не опубликованных⁴.

Письма Обрескова носят иной характер, чем депеши Окунева, хотя и они по существу являются донесениями. Окунев занимал ответственное положение официального представителя России, вращался в правительственных и высших дипломатических кругах. Каждое слово в его донесениях взвешено; об этом красноречиво свидетельствуют сохранившиеся черновики. О письмах Обрескова этого сказать нельзя: он писал, как писалось, иногда, по обстоятельствам военного времени, обрывая письмо на полуслове. И осведомленность его другого характера. Он ловил различные слухи и толки, пользуясь своими дипломатическими и журналистскими связями, и даже собирал сведения через специальных агентов («моя маленькая полиция», как он выражается). Однако в некоторых случаях ему приходилось выступать в качестве официального представителя России, и тогда его письма приобретали характер хотя и многословного, но делового отчета.

Окунев, находившийся в Туре, а затем в Бордо, получал сведения о Париже из вторых и третьих рук. Недаром он так осторожен в своих донесениях этого периода. Почти каждое его сообщение об осажденном Париже сопровождается оговорками: «как говорят», «если верить» и т. п. Сообщения же Обрескова имеют ценность показаний очевидца, в этом их преимущество. Часто он писал: «я видел собственными глазами», «я сам слышал» — и давал живую картину происходившего, сообщая факты, о которых мог знать только очевидец или участник событий. В этих фактических данных и заключается значение писем Обрескова. Мы находим в них не только любопытные штрихи и детали, зарисовки политических деятелей, но и некоторые существенные сведения, дополняющие и углубляющие наше представление о нарастании революционного подъема в осажденном Париже. Писал Обресков под непосредственным впечатлением событий, и перед читателем его писем как бы проходит жизнь осажденной столицы с ее волнениями, меняющимися настроениями, животрепещущими, злободневными вопросами.

Оценка событий и лиц в этих письмах представляет интерес как отражение взглядов общественного круга, к которому принадлежал царский чиновник. Обресков — старый монархист; даже правительство Национальной обороны представлялось ему одиозным. Все, что касалось революционного движения, он изображал в резко отрицательном виде.

¹ Сборник «Царская дипломатия и Парижская Коммуна 1871 года». М.—Л. 1933.

² С. Айнберг-Загряцкова, «Красная афиша». К предистории Парижской коммуны. «Вопросы истории», 1950, № 4, стр. 88—91.

³ Обресков был оставлен по распоряжению канцлера Горчакова в осажденном Париже в качестве хранителя здания и имущества (в том числе и архивов) посольства после отъезда в Тур поверенного в делах России Окунева.

⁴ Архив внешней политики России (АВПР). Канцелярия, 1870 г., д. 118, лл. 268—315; 1871 г., д. 93, лл. 584—623.

Материалы о Парижской коммуне 1871 года

воспоминания, свидетельства участников и очевидцев
документы
исследования
публицистика
художественные произведения

<http://istmat.info/node/28030>

Письма адресованы в министерство иностранных дел в Петербурге. Основную тематику их можно свести к четырем вопросам: 1. События войны. 2. Взаимоотношения Франции и России во время франко-прусской войны. 3. Трудности, порожденные осадой. 4. Политическая борьба в осажденном Париже.

По первому вопросу наибольший интерес представляют приложенные к письмам многочисленные газетные вырезки. Они имеют ценность, поскольку в нашем распоряжении сохранилось мало французских газет той эпохи, притом большей частью это разрозненные номера.

Главное внимание Обресков уделяет второму вопросу. Особенно интересны его сообщения о поведении французского правительства и парижской администрации в отношении царской России и русских подданных. Позиция Франции известна: она стремилась побудить нейтральные государства, и особенно Россию, активно вмешаться в военный конфликт. Однако реакция на циркуляр Горчакова от 19 (31) октября 1870 г.⁵ со стороны «турской делегации», то есть той части временного правительства, которая находилась вне пределов осажденной столицы, была более чем сдержанной⁶. Между тем Обресков в письме от 10(22) декабря 1870 г. сообщает, что как в официальных кругах, так и в высшем обществе циркуляр «не вызвал никакой враждебности» в отношении России. Более того, во всех случаях, когда затрагивались интересы России и русских подданных, французские власти проявляли исключительную готовность идти навстречу всем представлениям и ходатайствам русского посольства в Париже. Доброжелательное отношение к царской России французское правительство стремилось подчеркнуть своим отказом от какой-либо помощи польской эмиграции в Париже. По словам Обрескова, министр иностранных дел Жюль Фавр в беседе с одним из членов польской эмигрантской колонии в Париже заявил: «Польский вопрос умер. Мы не воскресим его».

В одном только случае правительство Национальной обороны отступило от занятой им позиции — в вопросе об Антоне Березовском, польском революционере, совершившем в Париже 6 июня 1867 г. неудачное покушение на Александра II и приговоренном французским судом к пожизненной каторге. После переворота 4 сентября 1870 г. польские организации в Париже возбудили ходатайства о досрочном освобождении Березовского. До сих пор считалось, что эти ходатайства не были удовлетворены. Обресков же категорически утверждает (в письме к директору канцелярии министерства Петерсону от 28 февраля 1871 г.), что министр юстиции в правительстве Национальной обороны Кремье подписал декрет об освобождении Березовского. Обресков пишет: «Я утверждаю на основании положительных и верных сведений, что ошибка была совершена и, к счастью, исправлена»⁷.

Исключительно предпринимательное отношение французского правительства к царской России особенно ярко проявилось в инциденте с князем Витгенштейном. Обширное письмо Обрескова от 28 ноября (10 декабря) 1870 г. в министерство иностранных дел в Петербурге является единственным источником по этому делу. Генерал Витгенштейн во время франко-прусской войны был русским военным атташе в Париже. В начале декабря (по новому стилю) 1870 г. он собирался временно покинуть Париж, но генерал Трошю (глава правительства Национальной обороны и одновременно военный губернатор столицы) просил его остаться еще на несколько дней в связи «с предстоящими большими операциями». Витгенштейн согласился было, но затем внезапно решил уехать, не дожидаясь этих операций, вместе с английским военным атташе, полковником Клермоном.

Реакция французской буржуазной прессы на неожиданный отъезд Витгенштейна и Клермона была чрезвычайно бурной. Французские газеты делали вывод, что эти иностранцы преследуют цели, враждебные Франции. Обресков, поддержанный оставшимися в Париже дипломатическими агентами, обратился во французское министерство иностранных дел с требованием публичной реабилитации Витгенштейна.

⁵ Этим циркуляром Россия односторонне аннулировала тягостные для нее статьи Парижского трактата 1856 года.

⁶ См. неопубликованные донесения Окунева. АВПр. Канцелярия, 1870 г., д. 118.

⁷ Обресков имеет в виду распоряжение Тьера, аннулирувавшего, по его словам, декрет Кремье. Последняя фраза отчеркнута на полях подлинника карандашом.

17 декабря в «Journal Officiel» требуемое опровержение было опубликовано. Оно было составлено не в том решительном тоне, какого желали русские представители, но им пришлось удовлетвориться достигнутым. В связи с этим инцидентом Обресков писал, что министр иностранных дел Жюль Фавр «был всецело на нашей стороне, как всякий раз, когда дело шло о русских интересах».

Письмо Обрескова от 21 декабря 1870 г. (2 января 1871 г.) посвящено военному, экономическому и политическому положению осажденной столицы. Обресков пишет: «Париж обладал укреплениями... но эти крепостные стены не были в оборонной готовности. Они имели свои внешние форты... но подступы к этим фортам, почти полностью разрушенным, были детской игрой для искусной армии». И далее: «Париж не имел пушек. В год прогресса 1870-й, когда царит литая сталь и г. Крупп ее пророк, не именуют больше пушками патриархальные артиллерийские орудия, возмещавшие рождение Людовика XVI или салютовавшие победам Первой империи. Они, единственные, мирно покоятся на бастionaх, изумленных их присутствием».

Культурная жизнь Парижа в первые два — два с половиной месяца осады как будто замерла, и 10 декабря 1870 г. Обресков рисовал такую картину: «От Парижа блистательного, артистического, средоточия всех талантов, всех богатств, — словом, от Парижа европейского не остается ничего». А через месяц, уже после начала бомбардировки, звучит иная нота: «Париж не хочет отказаться от своего значения умственного очага, политического центра. Блокада может умерить его голодом, бомбы могут разрушить его так, что камня на камне не останется, но до последнего его издыхания ничто не может удушить его мысли, ничто не может помешать появлению в нем великих творений искусства, науки и литературы. Каждый день под грохот войны произведения мысли и слова возникают, как под солнцем мира. Ведь это под пушечные выстрелы Виктор Гюго написал последние и лучшие страницы своих «Châtiments».

27 февраля, на следующий день после подписания прелиминарных условий мира, Обресков писал, что весть о временной оккупации пруссаками, согласно этим условиям, некоторых кварталов Парижа вызвала крайнее возбуждение в рабочих предместьях. Вооруженные толпы заполнили улицы и площади, и «в этой вооруженной толпе стоял вопрос о том, чтобы идти ниспровергнуть недавно установленное правительство и заменить его этой вечной Коммуной». Выделенное нами место — очень ценное показание. В других источниках мы его не находим. Оно означает, что уже 27 февраля, то есть почти за три недели до мартовской революции, было готово вспыхнуть народное восстание. Обресков так и называет волнения этого дня «началом гражданской войны». Но 27 февраля продолжалось лишь дальнейшее развитие движения, начавшегося еще 24 февраля, когда на площади Бастилии состоялась мощная демонстрация. Сообщение Обрескова дает возможность понять тот поворот в позиции революционных организаций по вопросу о вооруженном сопротивлении вступлению пруссаков в Париж, который до сих пор не находил себе отчетливого объяснения. Ведь еще 24 февраля ЦК Национальной гвардии призывал «при первом известии о вступлении пруссаков в Париж... немедленно выступить вооруженными... и броситься против нноземного захватчика». А 28 февраля, на следующий же день после описываемых событий, появилась афиша в траурном окаймлении с призывом того же ЦК (за 29 подписями) к населению отказаться во имя спасения Республики от всякого насилия по отношению к пруссакам. Несомненно, что эта афиша была составлена накануне, не позднее вечера того дня, когда вооруженные рабочие не только хотели воспротивиться прусской оккупации, но и ставили вопрос о низвержении правительства, допустившего этот позор.

На вооруженное выступление многотысячной массы трудящихся первым реагировало «Кордери» — объединение трех самых влиятельных революционных организаций Парижа: Интернационала, Союза рабочих обществ и ЦК 20 округов Парижа. Именно «Кордери» отчетливо увидело, что это несвоевременное и совершенно неорганизованное движение может погубить все дело. Отсюда страстный призыв «Кордери» к массам остановиться, сохранить спокойствие. П. Керженцев в работе «История Парижской Коммуны 1871 г.» пишет, что воззвание «Кордери» было опубликовано в № 8 «Cri du peuple». Этот номер вышел 1 марта, в день вступления пруссаков в Париж. Но в газете «Vengeur» воззвание появилось 28 февраля, когда впереди были целые сутки и еще можно было воздействовать на возбужденные массы. Это подтверждается при-

ложенными к письму Обрескова двумя вырезками из «Vengeur» от 28 февраля 1871 года. В одной из них содержится указанное обращение «Кордери» («К трудящимся Парижа»), в другой — обращение редакции газеты («К нашим читателям»).

Обращение редакции «Vengeur» было написано с большим подъемом. Оно заканчивается словами: «Мы не считаем возможным подвергнуть Париж опасности бомбардировки и нашу пленную армию опасности кровавых репрессий. Мы не считаем возможным, спровоцировав пожар Парижа, отдать на гибель миллионы беззащитных — женщин, детей, стариков. Мы не считаем, что должны начать борьбу, не имеющую надежды на успех, пользу из которой извлекут одни лишь враги Франции и Республики... Создадим пустоту вокруг врага и останемся спокойными в своих запертых жилищах. Пусть Париж проявит столько же мудрости, сколько он проявил мужества...»

Рабочие вняли предостерегающему голосу своих организаций. Париж встретил победителей гробовым молчанием. 28 февраля Обресков писал: «Начиная с завтрашнего утра Париж станет еще более печальным, чем обычно. Газеты перестают выходить... Биржа будет закрыта, театры также. Поговаривают о том, чтобы не открывать кафе, держать закрытыми магазины, остановить движение как общественных, так и частных — столь редких — экипажей... Хотят превратить Париж в своего рода пустыню!».

В полдень 1 марта он сообщал: «Уже с час, как немецкие войска располагаются в Пасси и Елисейских полях. Все сумрачно и заперто, вплоть до самых отдаленных кварталов...».

Когда пруссаки ушли, бурлившее в толще народных масс революционное настроение все чаще и все сильнее прорывалось наружу. 12 марта Обресков сообщал канцлеру Горчакову: «Все баррикады, редуты, пушки, наведенные на ратушу с высоты нового и нелепого Монт-Авентэна. В нескольких сотнях шагов ниже этого маленького революционного Гибралтара — военные власти, махнувшие на все рукой и ограничивающиеся запрещением красных газет». Закрытие шести революционных органов печати (12 марта) было жалкой попыткой правительства остановить лавину народного гнева. Она неудержимо нарастала. 18 марта власть в Париже перешла в руки Коммуны.

Можно себе представить, как воспринял этот переворот Обресков. 28 марта, в день торжественного провозглашения Коммуны, он писал с нескрываемой тревогой: «Положение плачевно; не знаю, куда оно приведет, и я не отваживаюсь сказать Вам тут все, что я об этом думаю».

А в письме от 13 апреля уже звучало отчаяние: «Все, кто могут, спасаются бегством. Какое положение!». Удалось бежать и ему. Скрылся он, конечно, в Версаль, присоединившись к остальной части посольства.

С. Ф. Айнберг-Загряцкова